

Многие признают сегодня, что у Иисуса была и политическая программа, но считается, что она вторична по отношению к его учению. Мы сознаем, что должны выдвигать свои гипотезы в контексте того, что он проповедовал, каков был его характер и амбиции. Вера в то, что он выступил с логически завершенной этической системой, основанной на милосердии и любви, столь распространена, что воспринимается само собой разумеющейся.

Практически для всех, в том числе представителей других религий, Иисус является воплощением кротости и доброты. В наши дни даже те, кто не считает его Сыном Бога, видят в нем пацифиста, защитника обездоленных и покровителя детей. Христиане, а в значительной части и нехристиане воспринимают Иисуса как единственного человека, который *ввел понятия* милосердия, любви и альтруизма. Однако ясно, что это не так: нет сомнений, что всегда существовали добрые люди в каждой культуре и религии, особенно в религии Исида того времени особое внимание обращалось на личную ответственность и нравственность, на поддержание семейных ценностей и уважения ко всем людям.

Объективный анализ евангельских историй дает совершенно иное представление по сравнению со сложившимся мнением об Иисусе как об учителе, создавшем последовательное нравственное учение. Хотя Евангелия полностью посвящены апологетике Иисуса, картина человека и его учения получилась непоследовательная и расплывчатая.

Короче говоря, учение Иисуса, представленное в Новом Завете, весьма противоречивое. Например, с одной стороны, он советует последователям «подставить другую щеку» и простить врагов своих, передать все свое имущество вору, который своровал только часть его⁴, а с другой — провозглашает: «Не мир пришел я принести, но меч»⁵. Он поддерживает заповедь: «Почитай отца своего и мать свою»⁶, но затем говорит:

«Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, то не может быть моим учеником»⁷.

Последователей Иисус побуждает возненавидеть их собственную жизнь, но тут же советует возлюбить соседа *как самого себя*.

Теологи пытаются объяснить такие противоречия тем, что одни слова следует понимать буквально, а другие — метафорически. Однако дело в том, что теология как наука появилась на свет именно затем, чтобы объяснить такие противоречия. Христианские теологи начали с допущения, что Иисус был Богом. Это первоклассный пример замкнутого на посылку обоснования: для них все, что сказал Иисус, должно быть правильным, потому что он сказал это, а сказал он это потому, что это правильно. Однако теория рассыпается в прах, если Иисус не был воплощением Бога, и разительная противоречивость слов, приписываемых ему, отчетливо проступает в жестком свете Дня.

Сегодня христиане думают, что образ Иисуса не изменился за две тысячи лет. На самом деле, то, как он воспринимается сегодня, значительно отличается от того, каким его видели всего два столетия назад, когда на Иисуса смотрели в первую очередь как на сурового судью. Он менялся от одной эры к другой и от одного места к другому. Иисус-судья был концепцией, оправдывающей такие зверства, как крестовый поход против катаров и охота на ведьм, но с викторианских времен он стал «добрым Иисусом, кротким и мягким». Существование столь разных образов стало возможным, потому что его учение в том виде, в каком оно преподнесено в Евангелиях, может оправдать и обосновать все для всех.

Любопытно, что эта расплывчатость может служить ключом к пониманию высказываний Иисуса. Теологи склонны забывать, что он выступал перед реальными людьми и жил в реальном политическом окружении. Например, его пацифистские речи